

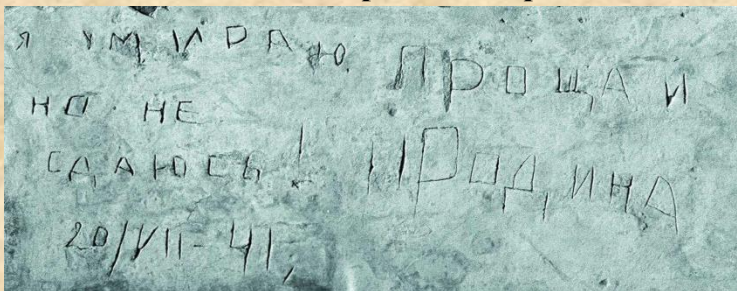
Мы предлагаем Вам познакомиться с небольшой подборкой фронтовых писем, которые трогают до глубины души. Они пропитаны любовью и тоской по близким людям, которые были вдалеке друг от друга и которые понимали, что эта дорогая весточка, может быть последней.

Фронтовые письма до сих пор во многих семьях бережно хранятся и передаются как реликвия будущим поколениям, чтобы мы никогда не забывали. У каждого письма своя история, отражающая, как зеркало,

судьбу семей, которых коснулась страшная и неотвратимая рука войны. Письма, рассказывающие историю целого народа, сами ставшие историей.

Здесь же можно познакомиться с записками людей, находящихся в фашистских застенках, которые знали о том, что погибнут и пишут слова прощания и веры в победу. Записки, от которых мурашки по коже, ком в горле и слезы на глазах.

Надписи защитников Брестской крепости на ее стенах

● 22 июня — 20 июля 1941 г.
Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22.VI.1941-3.15 ч. Умрем, но не уйдем! Умрем, но из крепости не уйдем.

● **Записка москвича В. Ф. Смирнова — защитника Литовского города Симнас**
22 июня 1941 г.

Погибаем. Остался я — Смирнов В. и Восковский. Скажите маме. Сдаваться не будем.

● **Записка участников боёв под Килией**

Держались до последней капли крови. Группа Савинова. Три дня сдерживали наступление значительных сил противника, но в результате ожесточенных боев под Килией в группе капитана Савинова осталось четыре человека: капитан, я, младший сержант Останов и солдат Омельков. Погибнем, но не сдадимся.

Кровь за кровь, смерть за смерть!

?? июля 1941 года

● **Записка партизанки В. Поршневой матери 29-30 ноября 1941 г.**

Завтра я умру, мама.

Ты прожила 50 лет, а я лишь 24. Мне хочется жить. Ведь я так мало сделала! Хочется жить, чтобы громить ненавистных фашистов. Они издевались надо мной, но я ничего не сказала. Я знаю: за мою смерть отомстят мои друзья — партизаны. Они уничтожат захватчиков.

Не плачь, мама. Я умираю, зная, что все отдавала победе. За народ умереть не страшно. Передай девушкам: пусть идут партизанить, смело громят оккупантов.

Настенные надписи в гестаповских застенках города Таллина

● В камере №5

Прощайте, все товарищи. Больше не увидимся. Корнев Петр.

Да здравствует СССР! Кулешов Иван Тимофеевич. 22.04.44 года.

● В камере №19

Здесь сидел Лосицкий Владимир Никитич, 1910 г., Орловской области, Стародубского р-на, Яковичского с/с, дер. Голибисов. Осужден к расстрелу в 1943 г. 10/27. Прошу сообщить родным моим по указанному адресу Лосицкому Александру Никитичу. Прощайте, дорогие друзья и Родина. Прощайте, детки мои, меня ведут на расстрел. До свидания навсегда.

Прощайте, друзья!

Приговоренный к расстрелу 01.12.43 г. пленный командир 92 с. д. 317 с. п. Волховский фронт, 23 ударная армия. Попал в плен раненым 25.06.42 г. Был в лагере гор. Псков. Арестован 26.03.43 г. 24.07 - Псков, тюрьма, камера № 12. С 25.07.43 тюрьма гор. Ревель, камера № 40 и с 01.12.43 - одиночка 1/17. Уроженец - Орловская обл., Климовский р-н, село Лакомая Буда. Тютюник Афанасий Никифорович, 25.10.1915 г. В РККА с 1938 г. Обвинен немцами за разрушение их вооруженных сил. Со мной расстреливаются пленные: Васевский, Овчинников. Сообщите гор. Псков, Кресть 87. Смирновой Екатерине. Сообщите моим родным. 14.12.43 г.

● Паша Савельева. Надпись на стене тюремной камеры в Луцке

Приближается черная, страшная минута! Все тело изувечено - ни рук, ни ног... Но умираю молча. Страшно умирать в 22 года. Как хотелось жить! Во имя жизни будущих после нас людей, во имя тебя, Родина, уходим мы... Расцветай, будь прекрасна, родимая, и прощай.

Твоя Паша Январь 1944 года

● Записка защитника Москвы красноармейца Виноградова А.

Нас было 12 послано на Минское шоссе преградить путь противнику, особенно танкам. И мы стойко держались. И вот уже нас осталось трое: Коля, Володя и я, Александр. Но враги без пощады лезут. И вот еще пал один - Володя из Москвы. Но танки все лезут. Уже на дороге горят 19 машин. Но нас двое. Но мы будем стоять, пока хватит духа, но не пропустим до подхода своих. И вот я один остался, раненный в голову и руку. И танки прибавили счет. Уже 23 машины. Возможно, я умру. Но, может, кто найдет мою когда-нибудь записку и вспомнит героев.

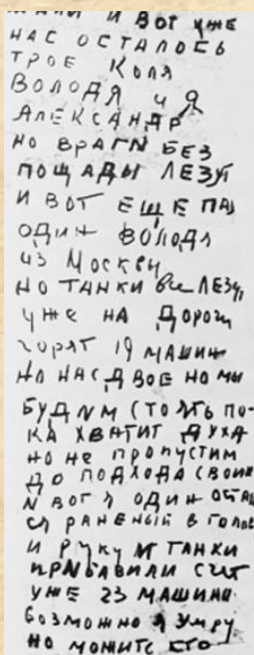
Я - из Фрунзе, русский. Родителей нет. До свидания, дорогие друзья.

Ваш Александр Виноградов 22.02.1942

● Е. Убийзовк. Письма из гестаповского застенка Полтавы

Папа, родной! Ты мужчина и должен перенести все, что будет, как мужчина. У меня один на сто шансов выйти отсюда. Виноват в этом не

Сергей, - он сделал все, что мог, чтобы спасти меня. Я пишу не сгоряча, а хорошо все обдумав. Надежду не теряю до последней минуты и присутствия духа. Но если я погибну, помни - вот мое завещание: мама, верно, не переживет моей смерти, но ты должен жить и мстить, когда будет возможность. Отсюда, из самого сердца фашизма, я ясно вижу, что это такое - все это утонченное зверство. Смерти я не боюсь, но хочу, если не будет выхода, погибнуть от своей руки, поэтому заклинаю тебя всем, что для тебя свято, твоею любовью ко мне - принести мне, и сегодня же, опию, у нас дома есть в бутылке, ровно столько, сколько это нужно, чтобы умереть, ни больше, ни меньше, чтобы не промазать. Я верю, что любя меня,

это сделаешь. Помни, что я пишу не сгоряча и поспешности тоже не сделаю. Налей пузырек и вложи в хлеб. Лучше в кастрюлю с супом, супя вылью вон. Я выполню свой долг - не впутая невинных людей и, если нужно, стойко умру... Но, чтобы избавить меня от мук, передай сегодня же, пока можно видеть, опиум или морфий - тебе виднее, смертельную дозу - и будь молодцом, чтобы не сделать мне хуже. К пяти часам меня привезут в тюрьму, и там меня можно увидеть. Друзьям передай: я уверена, что моя смерть будет отомщена. Валя - предательница, она наговорила на меня и Сергея. Сергей - молодец, и все это не забудь передать. Каждое это слово - завещание, и если я буду знать, что все будет выполнено, буду спокойна. Еще надежда есть, но решение мое неизменно, если ее не будет. Маму пока не волнуй. Целую вас всех от всего сердца. Привет друзьям.

Май 1942 года

● **Нина Попцова. Письмо из гестаповского застенка Пятигорска**

Прощай, мамочка! Я погибаю... Не плачь обо мне. Я погибаю одна, но за меня погибнет много врагов. Мама! Придет наша родная Красная Армия, передай ей, что я погибла за Родину. Пусть отомстят за меня и за наши мучения. Мама, милая! Ещё раз прощай... ведь больше мы с тобой не увидимся. Я погибаю...

А как хочется жить! Ведь я молодая, мне всего 20 лет, а смерть глядит мне в глаза... Как мне хотелось работать, служить для Родины!

Но эти варвары, убийцы... Они отнимают у нас нашу молодую жизнь.

Я сейчас нахожусь в смертной камере, жду с минуты на минуту смерти. Они кричат нам: «Выходите», идут к нашей камере, это...

Ой, мама! Прощай! Целую всю семью последний раз, с последним приветом и поцелуем...

Нина Попцова 6 января 1943 года

● **Сержант гвардии Андрей Гаденов. 10 ноября 1942 года**

«Ранило в правую ногу. Сделали операцию, вытащили осколок. Ранение легкое — уже хожу на перевязку сам. Надеюсь, что скоро заживет и опять буду бить немецкую гадину. За измученный наш советский народ, за вас, мои родные».

● **Записка летчика-испытателя, командира авиационного полка истребителей С. П.**

Супруна

30 июня 1941 г. Чкаловская

Дорогим родным.

Сегодня улетаю на фронт защищать свою Родину, свой народ. Подобрал себе замечательных летчиков-орлов. Приложу все свои силы, чтоб доказать фашистской сволочи, на что способны советские летчики. Вас прошу не беспокоиться. Целую всех.

Степан.

● **Солдат Борис Ручьев 7 марта 1945 года**

«Недалеко от места, где мы стоим, расположен лагерь. Лагерь уничтожения. Ты, наверное, читала в газетах о лагере на Майданске. Так этот лагерь в несколько раз превосходит майданский. Шесть миллионов человек было уничтожено там. Камеры, в которых людей душили газом; печи для сожжения трупов; рвы, в которые сбрасывались трупы, вернее, укладывались с немецкой аккуратностью — один ряд головами в одну сторону, другой — в другую. Рвы, доверху наполненные кровью. И во всем и везде эта дьявольская немецкая аккуратность».

Может быть, в тылу не все верят описаниям этих бесчисленных ужасов. Да и в самом деле трудно поверить, что люди, похожие внешне на нас, могли дойти до такой нечеловеческой жестокости. Но когда видишь все это, задаешь себе вопрос: кто они, эти существа, захотевшие истребить человечество? Люди ли это? Конечно, это не люди! Скоро настанет конец этим ужасам, будет расплата».

● **Добрый день, мои Родные Мама, Люся, Игорь и Леночка!!!**

Милые простите, что я вам так долго не писал. Письма ваши все получал, за которые большое спасибо. Их, мои родные, очень мало. Как хочется почитать в свободную минутку ваше письмецо, да еще такое, как вы пишете. После такого письма еще становишься злей, еще больше желания сделать больше, бить сильнее эту гадину. Спасибо, милые, за такие письма. Я очень доволен, даже не знаю, как передать мою радость, что хотя через письма, но вы вместе со мной.

Как хорошо, что вы все матери, сестры, братья, родные и близкие вместе с нами куете с нами победу – это еще один их трех залогов нашей победы. Конечно, жаль умереть, но и в тоже время хочется умереть, если твоя смерть приблизит час победы, вы, мои родные, будете жить, замечательно, будете о нас петь замечательные песни и будете с гордо поднятой головой и будете говорить, что ваш родной сын, брат, дядя погиб честно в борьбе за родину, за освобождение.

Мои милые, мои дела хороши. Только давно не получал писем от Коли, да и сам давно ему не писал.

Как милые Ваши дела? Как, мамочка, твое здоровье? Пишите больше и чаще.

Крепко целую Ваш Жора

● **Письмо танкиста–героя А. Голикова жене 28 июня 1941 г.**

Милая Тонечка!

Я не знаю, прочитаешь ты когда-нибудь эти строки? Но я твердо знаю, что это последнее мое письмо. Сейчас идет бой жаркий, смертельный. Наш танк подбит. Кругом нас фашисты. Весь день отбиваем атаку. Улица Островского усеяна трупами в зеленых мундирах, они похожи на больших недвижимых ящериц.

Сегодня шестой день войны. Мы остались вдвоем- Павел Абрамов и я. Ты его знаешь, я тебе писал о нем. Мы не думаем о спасении своей жизни. Мы воины и не боимся умереть за Родину. Мы думаем, как бы подороже немцы заплатили за нас, за нашу жизнь...

Я сижу в изрешеченном и изуродованном танке. Жара невыносимая, хочется пить. Воды нет ни капельки. Твой портрет лежит у меня на коленях. Я смотрю на него, на твои голубые глаза, и мне становится легче — ты со мной. Мне хочется с тобой говорить, много-много, откровенно, как раньше, там, в Иваново...

22 июня, когда объявили войну, я подумал о тебе, думал, когда теперь вернусь, когда увижу тебя и прижму твою милую головку к своей груди? А может, никогда. Ведь война...

Когда наш, танк впервые встретился с врагом, я бил по нему из орудия, косил пулеметным огнем, чтобы больше уничтожить фашистов и приблизить конец войны, чтобы скорее увидеть тебя, мою дорогую. Но мои мечты не сбылись...

Танк содрогается от вражеских ударов, но мы пока живы. Снарядов нет, патроны на исходе. Павел бьет по врагу прицельным огнем, а я «отдыхаю», с тобой разговариваю. Знаю, что это в последний раз. И мне хочется говорить долго, долго, но некогда. Ты помнишь, как мы прощались, когда меня провожала на вокзал? Ты тогда сомневалась в моих словах, что я

вечно буду тебя любить. Предложила расписаться, чтобы я всю жизнь принадлежал тебе одной. Я охотно выполнил твою просьбу. У тебя на паспорте, а у меня на квитанции стоит штамп, что мы муж и жена. Это хорошо. Хорошо умирать, когда знаешь, что там, далеко, есть близкий тебе человек, он помнит обо мне, думает, любит. «Хорошо любимым быть...» Сквозь пробойны танка я вижу улицу, зеленые деревья, цветы в саду яркие-яркие. У вас, оставшихся в живых, после войны жизнь будет такая же яркая, красочная, как эти цветы, и счастливая... За нее умереть не страшно... Ты не плачь. На могилу мою ты, наверное, не придешь, да и будет ли она - могила-то?

● **Алексей Старцев. Письмо жене**

Здравствуй, Люся! Сегодня 29 июня, 9 часов утра. Уже неделя, как началась война с Германией, война крупная, с большими жертвами, война, которая обязательно должна кончиться нашей победой. Я теперь уже четвёртые сутки нахожусь на поле боя и выполняю долг по защите Родины. Могилёв в ночь на 27 июня подвергся бомбардировке со стороны немцев. Прекрасная выучка, смелость и героизм советских лётчиков вынуждает немецких насильников обратно удирать. Вообще, Красная Армия с честью справляется со своей задачей, она упорно сдерживает немецкие полчища вдоль государственной границы от Балтийского моря до Чёрного...

Заодно против нас, т. е. вместе с Германией, выступают Румыния, Финляндия и Венгрия, причём последние две страны, кажется, свои войска на нашу территорию не послали, но готовятся к этому.

Люсенька, нужно на вещи смотреть прямо, ничего не скрывать от себя. Это я пишу на поле боя, под бесконечным гулом моторов самолётов, которые сеют смерть.

Пока всё, крепко целую обеих. Адреса не могу дать. Нет его. Привет твоим родителям и братьям.

Алексей. 29 июня 1941 года

● **Александр Жилин. Письмо жене**

Гранечка, здравствуй!

Гранечка, уже 12 суток, как мы расстались. Помните, как я с вами расставался, рвались вражеские снаряды и бомбы, свистели пули. Я уходил, а ты, дорогая, оставалась от меня в огне, никак мне больше вернуться возможности не было, но ничего не поделаешь, время такое настало. Как прибыл в часть, сразу пришлось принять бой с немцем и подряд, бесперывно, без сна и без отдыха 2-е суток пришлось драться.

Граня, если могли до дому добраться, то хорошо, живите у нас, у матери, и пусть она не горюет, ты тоже. Работать не поступайте, отдохните, сохраните себя и ребёнка, а как кончится эта коварная война с противником, будем вместе. Но, если меня не будет, то вспомни меня, каким я был и наследство моё сохрани, пусть растёт вместо меня. Граня, эти слова мне очень тяжело переживать, жизнь на волоске: или жив, или нет.

Привет всем родным, знакомым, твоим родителям, товарищам.

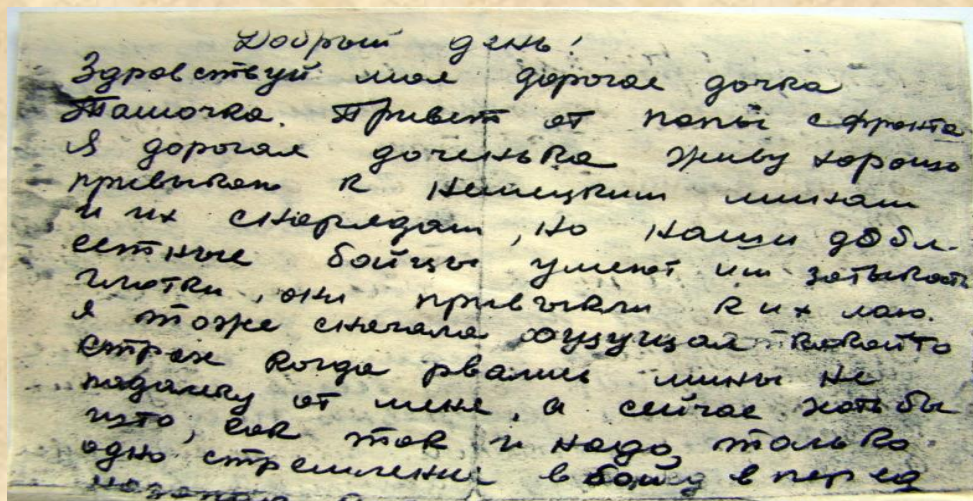
1 июля 1941 года

● **Александр Малков. Письмо отцу**

Добрый день, дорогой отец!

Как живёшь, работаешь? Приехали к тебе мама с Соней. За все время я получил от тебя одно письмо. Ты пишешь, что мои письма получаешь, а я вот твои редко. Сегодня я выслал

тебе 300 руб. Получил ли ты аттестат, если нет, то зайди в военкомат числа 25. Я послал его просто в московский военкомат. Т.к. не знал название его в районе, где ваша фабрика. Узнаешь там и зайдешь, получишь. То, что делается на нашем участке фронта, ты можешь читать в сводках информбюро. Можно сказать сейчас война на нашем участке позиционная, фрицев осталось слишком мало, не только для наступления, но и для обороны не хватает. Выиграет войну та страна, у которой больше резервов, больше терпенья. А ты знаешь, что силы наши неисчислимы и терпенья хватит. Ночью можно часто слышать, как фрицы кричат: «Рус, кончай войну». Какой тут кончай, тут пока они на нашей земле, никакого мира быть не может. Мир может быть только тогда, когда ни одного немца не останется на нашей земле и не будет фашистской армии. Будь здоров. Целую, Саша. 18 мая 1943 года.

● **Иван Моргунов. Письмо жене и дочери**

Здравствуй, дорогая моя Аня и дочка Надя, посылаю вам свой любящий боевой привет и желаю вам всего хорошего в жизни.

Аня, я жив-здоров, крепкий, хорошо бью немецких стержятников. Можешь меня поздравить, я начал мстить немецким пиратам за наш любимый город Сталинград, за наших матерей, которых побили немецкие стержятники при бомбёжке. Счёт мести мною открыт: за время боёв я зажег 2 бомбардировщика и один истребитель. Но это только начало — я ещё не отомстил за свои ранения, которые получил при первых своих боях. Немец стремился обратно потеснить наши части и добиться успехов, но он не понял, что Красная Армия не та, которая она была. Немец задохнулся и покатился назад, и его стержятники стали воевать, как жулики — исподтишка, — а как попрёшь за ним — удирает как заяц.

Но вот всё, что можно сообщить. От Ивана Павловича получил письма 05.07.43: он был жив-здоров, передавал тебе привет. Аня, я очень по тебе соскучился и мне очень хотелось увидеть свою дочку. Немца прогоним, она уже, наверно, меня не узнает, но будет уже большая, так что может рассказать всё, что заметит за тобой, так что смотри, «предатель» у тебя имеется. Это я, конечно, шутя, если только этого нет. Ты меня поняла...

Аня, я получил письмо от дедушки Власа: он жив-здоров, и бабушка жива — передавали тебе привет. У них живёт тётя Нюра, она мне сообщила, что Ивана Алексеевича Кочурина немцы убили в Ростове (он её муж или кто — я не понял). Вот все новости, которые я сообщил тебе. На этом писать кончаю.

До свидания, моя милая Аня и дочка Надя, крепко вас целую, ваш муж и отец Ваня.

Действующая армия 17.05.1943

● **Гавриил Масловский. Завещание сыну**

Ну вот, мой милый сын, мы больше не увидимся. Час назад я получил задание, выполняя которое живым не вернусь. Этого ты, мой малыш, не пугайся и не унывай. Гордись такой гордостью, с какой идет твой папа на смерть: не каждому доверено умирать за Родину. Приму все меры, чтобы это письмо переслали тебе, а ты с ним будь осторожнее, не пугай свою бабуся. Славному городу Ленина - колыбели революции грозит опасность. От выполнения моего задания зависит его дальнейшее благополучие. Ради этого великого благополучия буду выполнять задание до последнего вздоха, до последней капли крови. Отказаться от такого задания я не собирался, наоборот, горю желанием, как бы скорее приступить к выполнению. В ожидании машины роюсь в неугомонных мыслях, с молниеносной скоростью задаю сам себе вопросы и тут же даю ответ. Одним из первых вопросов будет такой: Какие силы помогают мне совершить мужественный поступок? Военская дисциплина и партийный долг. Правильно говорят: от дисциплины до героизма - один шаг. Это, сын, запомни раз и навсегда. А пока есть время, надо отвинтить от кителя ордена, поцеловать их по своей гвардейской привычке. Рассказываю тебе обо всем подробно, хочу, чтобы ты знал, кто был твой отец, как и за что отдал жизнь. Вырастешь большим - осмыслишь, будешь дорожить Родиной. Хорошо, очень хорошо дорожить Родиной. У меня есть сын. Жизнь моя - продолжается, вот почему мне легко умереть. Я знаю, что там, в глубоком тылу, живет и растет наследник моего духа, сердца, чувства. Я умираю и вижу свое продолжение. Сын, ты в каждом письме просил и ждал моего возвращения домой с фронта. Без обмана: его больше не жди и не огорчайся, ты не один. При жизни нам, сынка, мало пришлось жить вместе, но я на расстоянии любил тебя и жил только тобой. Вот и сейчас думается, хоть я буду мертвый, но сердце продолжает жить тобой, даже смерть не вытеснит тебя из моего скупого сердца. В своем прощальном письме прошу командование определить сына воспитанником Суворовского военного училища, желательно в Ленинградскую область - это для того, чтобы он мог посетить Поддорский район, Сокольский сельсовет, потому что возле деревни Хлебоедово закончит жизненный путь его отец. Когда начнется мирная жизнь, возродятся колхозы, сын будет шефом колхоза деревни Хлебоедово. Прощай, мой сын, прощай, дорогая жена!

Поля, Юра! Жена, сын! Радость вы моя, кровь моя, жизнь моя! Люблю, люблю до последней капли крови!

Выполняйте мое завещание. Целую, искренне любящий Гавриил. 4 января 1944 года

и все эти переживания
сид. Вот полините наверно, что я вам послал два
своих рисунка, которые рисовал Саша Олейников.
Тренер у нас Саша Олейников, нет. Он убит.
Осколок попал ему в левый бок и очевидно проник
в сердечную область. После ранения он жил не
более 2 минут, а дальше смотрели. Похоронили
его в братской могиле и похоронили на кладбище
вашем и тренер нет его. Эти саботажники проца-
дили 15/18 и вместе с ним ранено у нас еще 9 че-
ловек - двух легко, которые уже вернулись в
свой край, а остальные тяжело. Рядом были
все хоронили. Это в одном месте нас накрыла
артиллерия. Мама тренер у нас запертый в чулок

● Григорий Манаков. Письмо родным

Добрый день, мои дорогие!

Соня, Рита, Валя, Лена, Витя, мама, шлю вам фронтовой привет и желаю вам наилучшей жизни и много раз всех заочно целую. Наконец, после долгих молчаний стороны, получил два письма и фотокарточки, как я был рад не могу описать. Признаюсь, так разволновался, что не похож был на воина... Нет дня, чтоб я несколько раз не смотрел на все фотографии – живешь воспоминаниями.

От себя могу сказать, что за зиму постарел, так износился, что подчас не узнаю, здоровье моё стало неважным. Надо бы отдохнуть, но ведь не время. А время добывать немцев. У меня стали болеть ноги, да как им не болеть - ведь за истекающую зиму, вернее с 7 января 44 г. по 2 марта, прошли на собственных ногах более чем 800 км, а отдыхать то ведь приходилось на снегу, а не у печки. С кашлем замучился, душит, не рад. Да ещё приходится курить легкий табак. Но мне кажется, я бы сумел поправить своё здоровье, но дел еще впереди много и думать об этом не приходится, тем более я фронтовик не тыловой, а передовой, на такой день рассчитывать трудно. Но день нашей победы недалёк...

Соня, прошу тебя, пиши. Я знаю, тебе нелегко, но не забывай меня, пока я еще жив. Сделай всё от тебя зависящее для ребят. Приложи все свои силы для воспитания ребят. Я, кажется, вам уже писал, что получил правительственную награду: орден Отечественной Войны II степени. Писать больше не знаю что, занимаюсь сейчас тем, что необходимо в боях с немцами в самое близкое время. Пиши все новости, какие у вас есть. Жаль тех ребят, которые погибли, о которых ты писала.

Ну, пока мои дорогие. Ещё раз вас всех крепко целую. Вас любящий папа, муж, сын.
Манаков Григорий Петрович 1 июля 1944 года

● Дмитрий Пузанов. Письмо

Здравствуйте, Зина и Ниночка! Сегодня День Победы. Кончилась война на Западе. Настала мирная жизнь. Теперь мы, как никогда, можем рассчитывать на дальнейшую жизнь. Теперь нам смерть не угрожает ежеминутно, как это было на протяжении почти что четырех черных, страшных военных лет. Теперь мы начинаем говорить не о войне, а о мирном строительстве, о возвращении к своим семьям, родным и знакомым. Сейчас же мы находимся в 120 км С-З г. Берлина. Чувствуем себя прекрасно. По всей вероятности, на днях мы побываем в Берлине на Параде. Ну вот, вкратце, пока и всё. Остаёмся живы и здоровы, того и вам желаем.

Миша и Митя Пузановы 9 мая 1945 года

● Маркел Ситников. Письмо с Днём Победы

...разрушены, но не сильно. Но остальной Берлин разрушен исключительно. Немцы хотели разрушить Москву и Лондон, они получили превращенный в груды камней Берлин. Видел дома-резиденции Гитлера, Геббельса, тоже разрушенные и сгоревшие. Немцы вывешивают белые флаги, белые повязки на руку и повторяют одно и то же: «Ales kaput» (т.е. «всему конец»). Теперь они тоже поняли, что такое война и для чего она нужна. Колонны пленных фрицев в километр-полтора можно часто встретить на дорогах под конвоем 5–6 наших бойцов. Из лесов и сейчас все еще выходят фрицы без оружия, надевают белую повязку и идут сдаваться. Гражданское население теперь не с таким уже страхом, как в первые дни в Германии, но все равно исподлобья встречают нас. Зато с огромной радостью относятся военнопленные и мирные жители, завезенные из других стран, и теперь освобожденные Красной Армией.

Колонны их на повозках со скарбом движутся в разных направлениях. У каждой повозки, тележки вывешен флаг твоей страны, какой национальности сам хозяин. А флагов так много, что иногда и не знаешь какой страны, не то Греции или это Норвегия или Дания и т.п. Был на автострадах Германии, где может в ряд идти 8 автомашин. Таких дорог в России я не видел. На 4-й день заночевали в небольшом немецком селе, а утром прибегает боец из комендатуры и сообщает, что война окончилась. Все повскакивали, хотя и было 5 ч. утра, все вне себя от радости, а утро такое солнечное, ясное, как будто только для этого дня. И пока ехали до части, везде на дорогах, в городах и повсюду говорят, что война окончилась, а толком еще ничего никто не знает. И только на 9 мая услышали по радио, что война действительно окончилась. И вот сегодня у нас большой праздник!

Ситников Маркел Спиридонович 9 мая 1945 года

Николай Нестоянов. Письмо жителя г. Запорожье

...Во первых, поздравляю я и моя семья всех Вас с долгожданной Победой!

Для меня и моей семьи эта война принесла большое горе. Погиб сын Георгий, пробыв на фронте 2.5 года в танковых войсках. Погиб брат Игнаша — ты, наверное, помнишь его. Погибли племянник и племянница на фронте, погиб зять, самой младшей сестры муж, погиб свояк, а своячница покончила жизнь самоубийством, дети остались — двое. Так что горя хоть отбавляй. Седина во всю голову, а скоро, пожалуй, и умирать, т.к. бодрости нет и хотелось бы повидать всех знакомых. А потому, если сможешь, с семьёй приезжай этим летом, будем рады. С Приветом! 10 мая 1945 года

Треугольником сложен потемневший листок,
В нем и горькое лето, и сигналы тревог,
В нем печаль отступленья в тот отчаянный год.
Рвется ветер осенний и команда: вперёд!
Даже смерть отступала, хоть на несколько дней,
Где солдатские письма шли дорогой своей.
И с поклоном последние письма, полные сил,
От погибших в сраженьях почтальон приносил.
Письма с фронта вобрали и судьбу, и любовь,
И бессонную правду фронтовых голосов.

Яков Халецкий

Источники:

Говорят погибшие герои : предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941-1945гг.) / сост. В. Кондратьев, З. Н. Политов.— 8-е изд., доп.— М. : Политиздат, 1986.— 398 с. : ил.

Письма с фронта, 1941 – 1945 / [сост. Э. М. Ефимова-Сякина [и др.]; предисл. Е. Я. Савицкого] / - Краснодар: Кн. изд-во, 1983. – 206 с. : ил.

Режим доступа: <http://pismasfronta.ru/>

Режим доступа: <https://trinixy.ru/129395-frontovye-pisma-kotorye-trogayut-do-glubiny-dushi-7-foto-tekst.html>